

АБДУЛАТИПОВ Абдулатип Магомедзагидович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского государственного
университета,
e-mail: abdulatipowabdulatip@yandex.ru

УРУМОВ Аскер Валерьевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: urumov07@rambler.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 205.2 УК РФ

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена ростом общественной опасности деяний, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ и проблемами, возникающими при их квалификации. Вследствие этого представители органов правосудия в процессе правоприменения нередко сталкиваются с определенными трудностями, обусловленными нечётким определением в законодательстве основных признаков понятий «терроризм», «террористическая деятельность» и отграничением состава рассматриваемого деяния от сходных преступлений. Ввиду сказанного целью данной статьи является выявление и решение существующих проблем оптимизации рассматриваемого деяния с учетом современных потребностей правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, публичные призывы, оправдание, пропаганда.

ABDULATIPOV Abdulatip Magomedzagidovich,
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Criminal Law and Criminology
Department of the Law Institute of Dagestan State University

URUMOV Asker Valerievich,
Candidate of Law Sciences,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines
North Caucasus Advanced Training Institute (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DISCUSSION ON THE QUALIFICATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 205.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The relevance of this study is due to the growing public danger of the acts provided for in Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and the problems that arise in their qualification. As a result, representatives of the judicial system often face certain difficulties in the process of law enforcement, which are caused by the unclear definition of the main features of the concepts of «terrorism» and «terrorist activity» in the legislation, as well as the differentiation of the composition of the act under consideration from similar crimes. In light of this, the purpose of this article is to identify and solve the existing problems of optimizing the act under consideration, taking into account the current needs of law enforcement.

Key words: terrorism, terrorist activities, public appeals, justification, and propaganda.

Введение. Ввиду трансформации общественно-политического уклада и социально-экономического положения, а также вследствие стремительной эволюции информационно-телекоммуникационных технологий, интенсификации процессов глобальной цифровизации и масштабной имплементации систем искусственного интеллекта террористическая угроза в Российской Федерации на протяжении последних десятилетий претерпела качественную метаморфозу, приобретая деструктивные формы повышенной опасности. Ситуация усугубляется и тем, что спецслужбы враждебных иностранных государств развернули на территории Российской Федерации масштабную диверсионно-террористическую деятельность, в том числе с использованием вооруженных сил Украины. При этом спектр указанной деятельности не ограничивается исключительно физическими способами воздействия (взрывы, поджоги и аналогичные деструктивные действия), а включает в себя также информационно-психологическое влияние на российских граждан и пропаганду идеологии терроризма, реализуемую посредством различных коммуникационных каналов. Данный тезис подтверждается многочисленными фактами дистанционной (бесконтактной) вербовки соотечественников через сеть Интернет для последующего совершения ими преступлений террористической направленности.

Необходимо отметить, что в настоящее время разного рода призывы к осуществлению террористической деятельности, распространение материалов и информации, оправдывающих и поддерживающих её, приобрели крайне опасный характер. Терроризм стал источником стратегической угрозы внутренней стабильности и внешней безопасности Российской Федерации и его регионов, особенно тех, которые расположены на приграничной территории с Украиной.

Одним из основных условий снижения социальной напряжённости в обществе и определения степени защищенности личности, общества и государства от общественно-опасных посягательств на определённый момент исторического развития, является криминализация факторов, обуславливающих такое состояние в социуме.

Материалы и методы. Эмпирической и информационной основой настоящего исследования являются положения российского законодательства, международно-правовые акты в сфере противодействия терроризму, судебная практика, а также массив статистических данных и выводы предшествующих научных изысканий. Достижение репрезентативности результатов обеспечено за счет комплексного применения

общенаучных методов: сравнительно-правового анализа, синтеза, дедуктивных и индуктивных умозаключений.

Содержание исследования. В рамках реализации государственной уголовной политики по противодействию терроризму Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ дополнил УК РФ статьей 205.2, установив уголовное наказание за ряд вербальных действий террористического характера [9]. При этом законодатель связывает общественную опасность таких вербальных действий с природой самих речевых действий, целевыми установками субъекта, а также спецификой психического восприятия им таких действий. Кроме того, было учтено возможное воздействие таких вербальных террористических действий, как публичное подстрекательство, публичный призыв и публичное оправдание терроризма не только на отдельные личности, но и на неопределённое число потенциальных жертв внешнего негативного информационного воздействия. По своей сущности составы таких преступлений представляют собой виды речевого манипулирования, совершаемые с целью создания у потенциальных жертв манипуляции устойчивых однозначных взглядов, убеждений, стереотипов позитивного восприятия идеологии экстремизма и его крайней формы - терроризма, а также формирования у них готовности реализовать свои убеждения уже в физических действиях террористического характера. Особенностью рассматриваемых преступлений является отсутствие контактного воздействия в отношении конкретного человека.

Значимость криминализации таких вербальных действий очевидна, так как подобные составы преступлений обладают признаками двойной превенции и носят упреждающий характер в отношении наиболее опасных террористических и экстремистских проявлений. Через короткий период времени призывы к терроризму, его оправданию и пропаганде могут воплотиться в реальное осуществление особо тяжких преступлений террористической направленности посредством жертв информационного манипулирования. Как и другие статьи уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за преступления террористической направленности, рассматриваемая норма также претерпела многочисленные изменения и дополнения с момента её принятия. Наиболее значимые изменения были внесены в 2016-2017 годах.

Следует упомянуть, что статьи 205.1 и 205.2 УК РФ являются конвенциональными нормами, но при имплементации положений, указанных в ст. 205.2 УК РФ, законодателем было допущено

расширение границ требований Конвенции Совета Европы относительно публичных призывов и публичного оправдания терроризма. Как отмечает А.К. Князькина: «Стороны, ратифицирующие Конвенцию Совета Европы, были обязаны криминализировать только одно деяние - публичное подстрекательство к совершению террористического преступления» [4].

В связи с повышенной общественной опасностью деяний, предусмотренных в ст. 205.1 УК РФ и трудностями, возникающими при их квалификации и отграничении состава рассматриваемого деяния от сходных преступлений, вследствие нечёткого отражения в уголовном законе основных понятий, входящих в объективные и субъективные признаки рассматриваемого деяния, представители органов правосудия в процессе правоприменения нередко сталкиваются с рядом дискуссионных моментов, обусловленных нечётким определением в законодательстве признаков основных понятий. Необходимо отметить, что положения ч. 1 ст. 205.2 УК РФ с момента их законодательного закрепления вызывали дискуссию среди учёных-криминологов, многие из которых указывали на их неоднозначность. Особенно это касается ключевых понятий рассматриваемой нормы. Так, А.Г. Кибальник и И.Г. Соломенко отмечают, что существующая формулировка этих положений даёт «возможность политизированной юридической оценки» [3].

Диспозиция ч. 1 ст. 205.2 УК РФ охватывает три альтернативных состава деяния, а именно: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, а также пропаганду терроризма.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности состоят в обращении к неопределённому субъектному составу для побуждения его к осуществлению такой деятельности. Такие обращения осуществляются в устной или письменной форме, с помощью аудио- и видеозаписей, плакатов, транспарантов, через различные виды средств массовой информации, в том числе радио, телевидение, информационно-телекоммуникационные сетевые ресурсы, путём обращений на митингах, собраниях, пикетированиях, шествиях, в публично демонстрируемых произведениях и т.д. При этом такой состав преступления считается оконченным с момента публичного провозглашения хотя бы одного обращения, независимо от реального результата этого обращения. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1, под публичными призывами понимаются любые формы обращений (устные, письменные, с использованием технических средств или инфор-

мационно-телекоммуникационных сетей), направленные на склонение неопределённого круга лиц к осуществлению террористической деятельности [11].

Вместе с тем данный вопрос в юридической литературе рассматривается неоднозначно. Так, В.Л. Кудрявцев не соглашается с мнением И.В. Шевченко, который считает, что «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности могут заключаться в призывах к совершению любого из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 206, 208, 277-279 и 360 УК РФ» [16, С. 98], а также с мнением А.И. Рарога о том, что это может состоять «в призывах к совершению преступлений террористического характера, предусмотренных ст.ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279, и 360 УК РФ» [6]. При этом В.Л. Кудрявцев указывает, что «вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности (статья 205.2 УК РФ) должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела» [7].

Понятие террористической деятельности определяется в примечании 2 к ст. 285.2 УК РФ, в которой говорится: «В настоящей статье под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 настоящего Кодекса». Такая трактовка данного понятия через перечисление конкретных видов деяний также вызвала дискуссию среди учёных и практических работников, которая была обусловлена противоречием данной нормы положениям, содержащимся в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», включающем в террористическую деятельность следующие деяния: «а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [12].

В отдельных редких случаях публичные призывы к совершению террористической деятельности могут быть своевременно пресечены в

ходе оперативно-розыскной деятельности на стадии их приготовления, то есть в случаях, когда попытка преступника публично заявлять либо размещать в СМИ или социальных сетях подготовленное обращение предотвращается правоохранительными органами или по другим, независящим от его сознания обстоятельствам. Такие действия образуют покушение на рассматриваемое преступление и квалифицируются по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части статьи УК РФ.

Кроме того, не следует квалифицировать как рассматриваемое преступление публичные действия учёных и политиков, которые в своих суждениях и умозаключениях с целью публичной демонстрации высказывают или излагают факты террористической деятельности при отсутствии цели побудить других людей к совершению террористической деятельности.

Содержательная конструкция деяния, предусматривающего публичное оправдание терроризма, получила легальную дефиницию в примечании 1 ст. 205.2 УК РФ: под ней понимается «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании».

В данном случае спорным является применение термина «терроризм», который не содержится в названии статьи. В данном случае предлагаем считать корректной позицию Д.А. Ковлагиной [5], которая указывает, что с июля 2006 года понятие «терроризм» используется как негативное социальное явление, а не как преступление, предусмотренное в ст. 205 УК РФ, как было до этого времени. С этого момента появилось понятие «преступления террористической направленности», в число которых входит и рассматриваемое нами деяние.

На основе вышеизложенного полагаем целесообразным внести изменение в редакцию примечаний 1 и 1.1 к статье 205.2, заменив дефиницию «терроризм» на понятие «террористическая деятельность». Это обусловлено тем, что терроризм является социально-негативным явлением, а не сугубо уголовно-правовой категорией, а его конкретные виды выступают лишь частными проявлениями данной деятельности. Такой подход также подтверждается п. «е» ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», где оправдание терроризма прямо отнесено к формам террористической деятельности. В то же время указанная дифференциация неприменима к понятиям «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которые в силу п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ признаются тождественными. Однако законодатель не поддержал подобное отношение к трактовке понятий «терроризм» и «террористическая деятельность».

В качестве примера в пользу указанных доводов можно привести Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 225-АПУ19-5 [2]. В данном судебном решении указано, что «... действия К., который в конце 2017 г. на персональной странице общего доступа, используя свой смартфон, в социальной сети разместил фото террориста с положительной оценкой его террористической деятельности, то есть совершил такие действия с целью признания идеологии и практики терроризма правильными». Таким образом, в правоприменительной практике при постановлении приговора или вынесении иного судебного акта обычно фигурирует формулировка «оправдание террористической деятельности».

Следующим признаком объективной стороны исследуемого состава преступления выступает пропаганда терроризма. Для разъяснения его смысла законодатель ввёл в ст. 205.2 примечание 1.1 как «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

По смыслу пропаганда терроризма может быть осуществлена также и в форме его оправдания, так как она «направлена на формирование у лица убежденности в привлекательности идеологии терроризма или представления о допустимости осуществления террористической деятельности» [5]. Фактически, в рассматриваемой уголовно-правовой норме законодатель продублировал содержание диспозиции части первой данной нормы. Об этом свидетельствует и правоприменительная практика.

Так, согласно обвинительному приговору Первомайского районного суда г. Кирова № 1-191/2025 от 25 августа 2025 г. (по уголовному делу № 1-191/2025) [14], осужденный Н., выражая негативное отношение к специальной военной операции на Украине, а также к руководителям высших органов государственной власти России, в том числе вооружённым силам Российской Федерации, через мессенджеры «ВКонтакте» и «Фейсбук» сети «Интернет» публично призывал к осуществлению террористической и иной деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, оправданию такой деятельности, а также финансированию ВСУ. При этом осужденный осознавал, что его публичные обращения в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» были адресованы неопределённому кругу граждан Российской Федерации, содержали призывы к террористической деятельности и иным действиям, посягающим на национальную

безопасность Российской Федерации, а также содержали оправдание указанных деяний. Суд признал в действиях Н. наличие призывов к осуществлению террористической деятельности и её оправдания, что говорит о проблемах в вопросе отграничения составов публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма. В связи с этим возникает необходимость более подробного и качественного судебного толкования данных понятий.

Также определённые затруднения встречаются и при оценке субъективных признаков исследуемого деяния. Так, П.С. Курносова справедливо отмечает: «Обращаясь к анализу состав преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, стоит заметить, что закон не предусматривает в нем наличия обязательных последствий, то есть состав данного преступления является формальным» [8]. Отсюда следует, что вина рассматриваемого деяния может быть только умышленной, при этом умысел – только прямым. Данный вопрос решён законодателем однозначно и не содержит спорные моменты. Вместе с тем дискуссионным является вопрос о цели изучаемого деяния. В частности, П.С. Курносова выражает несогласие с мнением П.В. Агапова, который считает, что «в диспозиции статьи отсутствует указание на тот или иной обязательный мотив и цель, а также поясняет, что они могут быть учтены лишь при назначении наказания» [1, С. 4].

Полагаем, что такая позиция П.С. Курносовой является вполне состоятельной. Интерпретируя положения примечаний 1 и 1.1 к ст. 205.2 УК РФ в контексте разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, она акцентирует внимание на целеполагании деяния. В качестве таковых целей выступают: склонение субъекта к террористической деятельности, формирование у него идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности или готовности к ее осуществлению. По объективным признакам данного деяния можно понимать, что усилия и воля субъекта направлены именно на достижение конечного результата в виде перечисленных целей. Следовательно, перечисленные в диспозиции ст. 205.2 УК РФ цели деяний выступают в качестве конститутивных признаков субъективной стороны состава преступления, в связи с чем их установление имеет определяющее значение для правильной правовой квалификации содеянного.

Необходимо также отметить, что в последние годы общественная опасность рассматриваемых преступлений многократно возрастает, что связано с деструктивной деятельностью спецслужб враждебных нам иностранных государств. Этому способствует и использование террори-

стическими структурами возможностей стремительно развивающихся информационно-телекоммуникационные технологии.

Наглядно это можно продемонстрировать на примере данных уголовной статистики числа лиц, осужденных за совершение исследуемого преступления за последние пять лет, размещённой на сайте Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации [15]. Так, в 2020 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ было осуждено 147 лиц, из них по ч. 1 – 36 человек, по ч. 2 – 111 человек. В 2021 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 199 лиц, из них по ч. 1 – 29 человек, по ч. 2 – 170 человек. В 2022 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 274 лиц, из них по ч. 1 – 41 человек, по ч. 2 – 233 человека. В 2023 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 281 человек, из них по ч. 1 – 24 человека, по ч. 2 – 257 человека. В 2024 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 410 виновных лиц, из них по ч. 1 – 42 человека, по ч. 2 – 368 человек.

Анализ статистических данных показывает стабильный рост общего количества осужденных за совершение исследуемого преступления за рассматриваемый период времени за счёт активности виновных лиц в информационно-телекоммуникационных и электронных сетях. Если общее число осужденных по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ в рассматриваемый период демонстрирует относительную стабильность (незначительные флуктуации), то число осужденных за совершение данных преступлений с использованием сети «Интернет», электронных ресурсов и средств массовой информации, показывает устойчивый рост подобных преступлений. Только по сравнению с 2023 годом в 2024 году количество осужденных по данной статье лиц возросло на 111 человек или примерно в полтора раза (257/368).

Как известно, уголовная политика государства строится на выявлении девиативного поведения граждан, причиняющего вред охраняемым законом благам. По рассматриваемой проблематике в юридической литературе отмечается также отсутствие единых критериев межотраслевой дифференциации юридической ответственности [5]. В связи с отсутствием в настоящее время чётких легитимных критериев межотраслевой дифференциации юридической ответственности в юридической деятельности нередко возникают проблемы, связанные с отнесением определённых видов общественно опасных деяний к категории уголовно или административно-наказуемых.

Так, Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 116-ФЗ дополнил статью 13.15 КоАП РФ частью 6, установив, в том числе административную ответственность для юридических лиц за «производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» [10]. Ввиду того, что действующая редакция ч. 6 ст. 13.15 КоАП РФ не устанавливает ответственности для должностных лиц, считаем целесообразным дополнить её санкцию наложением административного штрафа на должностных лиц в размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей. Вместе с тем и в уголовном законе также отсутствует уголовная ответственность для должностных лиц за совершение подобных деяний. В связи с этим полагаем целесообразным дополнить статью 205.2 УК РФ квалифицирующими признаками в существующей норме.

Указанные новеллы необходимы, так как предоставление другим лицам соответствующим должностным лицом возможности на неоднократное производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, представляет повышенную общественную опасность и подлежит криминализации. Предложенное дополнение в уголовный закон обусловлено отсутствием в объективных признаках состава преступления, закрепленных в диспозиции ч. 2 данной нормы, указания на такое противоправное поведение специального субъекта, как производство и выпуск такой продукции в средствах массовой информации.

Как известно, ст. 205.2 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за существенное злоупотребление при использовании конституционного права граждан на свободу слова и распространение информации, которое в момент совершения содержало все объективные и субъективные признаки состава данного преступления. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации поддержал сложившуюся в судебной и следственной практике позицию в оценке таких продолжаемых либо длящихся деяний с момента, когда они ещё не были криминализованы, до момента их выявления (когда уже они были криминализованы) как единого оконченного деяния [13]. Считаем такую позицию суда спорной с учётом принципа обратной силы уголовного закона.

Также присутствуют спорные моменты среди учёных при отграничении исследуемого состава преступления от сходных составов. При разграничении рассматриваемого деяния и публичных призывов к совершению экстремист-

ской деятельности (ст. 280 УК РФ) применяется правило конкуренции общей и специальной норм. Если при этом виновное лицо также призывает и к экстремистской деятельности, то оценка осуществляется по их совокупности. Публичные призывы к террористической деятельности отличаются от подобных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ) по объекту посягательства и содержанию призывов.

Наиболее сложным является отграничение исследуемого состава преступления от возбуждения ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ). При этом необходимо обратить внимание на объект посягательства и наличие мотивов, указанных в данной норме, при которых действия, направленные на оправдание терроризма, необходимо квалифицировать по ст. 282 УК РФ. В правоприменительной практике нередко встречаются ошибки, обусловленные с неправильным толкованием объективных и субъективных признаков сравниваемых преступлений.

Показательным является решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, которым был изменен приговор Дальневосточного окружного военного суда от 23 января 2018 г. в отношении осуждённого М. Вышестоящая инстанция переквалифицировала его действия с ч. 1 ст. 205.2 УК РФ на совокупность преступлений по ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Первоначально следствие вменяло М. обе эти статьи в связи с публикациями на странице «ВКонтакте», где он пропагандировал деятельность международной террористической организации «ИГИЛ», формировал у пользователей идеологию терроризма и одновременно допускал высказывания, разжигающие религиозную рознь. Однако суд первой инстанции счёл доказательства по «экстремистской» статье недостаточными, исключил её, квалифицировав все действия как единое продолжаемое преступление с единым умыслом на оправдание терроризма. Вместе с тем Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, изучив материалы уголовного дела, пришла к выводу, что окружным военным судом не обращено внимание на отличие в объектах ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, которым для первого преступления является общественная безопасность, а для второго - государственная безопасность (основы конституционного строя, конституционные права и свободы граждан). Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала на то, что окружной суд не обратил внимание на слияние объектов деяний, предусмотренных в ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, которые не подпадают

под правило общей и специальной норм, в связи с чем совершенное осужденным деяние является двухобъектным. Это и послужило основанием для квалификации совершённых осужденным М. деяний по совокупности ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Заключение. Подводя итог, следует сформулировать следующие выводы.

1. Замена дефиниции «терроризм» на «террористическая деятельность» в примечаниях к ст. 205.2 УК РФ позволит:
 - устранить терминологическую неточность, приведет УК РФ в соответствие с логикой ФЗ «О противодействии терроризму», где оправдание терроризма является формой террористической деятельности;
 - обеспечит четкое различие между терроризмом как социальным явлением и террористической деятельностью как комплексом уголовно наказуемых деяний, избегая смешения этих категорий, которое не допускается законодателем.
2. Предложение о внесении изменений в КоАП РФ и УК РФ в части установления ответственности должностных лиц СМИ за производство и выпуск продукции с террористическими призывами полностью коррелирует с принципом юридической ответственности за деяния, совершаемые с использованием служебного положения, а также позволит судам более справедливо назначать наказание с учетом статуса нарушителя и роли в совершении деяния.
3. Предложенная в исследовании совокупность нормативных новелл и практических ориентиров призвана обеспечить разрешение дискуссионных вопросов квалификации составов ст. 205.1 УК РФ, соотносясь с потребностями современной правоприменительной практики в контексте противодействия рассматриваемым общественно-опасным деяниям.

Список литературы:

- [1] Агапов П.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4-6.
- [2] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 225-АПУ19-5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=615284#wlo1aNVMl563MkKx> (дата обращения 26.05.2026 г.).
- [3] Кибальник А.Г., Соломенко И.Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14-16.
- [4] Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // Lex Russica. 2015. № 9. С. 73-86.
- [5] Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 5. С. 153-159.
- [6] Комментарий к статье 205.2 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. - М.: Издательство «Проспект», 2022. – 992 с.
- [7] Кудрявцев В.Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»: некоторые вопросы теории и практики // Таможенные чтения – 2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том II. / Под общ. ред. А.Н. Мячина. - СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2012. С. 104-112.
- [8] Курносоева П.С. Проблемы субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ // Молодой ученый. 2022. № 44 (439). С. 151-152. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/439/95897> (дата обращения: 26.05.2026).
- [9] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=421027&dst=100001#iOhNZNVG14rnh2a3> (дата обращения 26.05.2026 г.).
- [10] О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 116-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=178861&dst=100001#36lHaNVqaNT2bCHI1> (дата обращения: 26.05.2026).
- [11] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=206888&dst=100001#K5XjZNVK2QQVC5PO1> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[12] О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2026 г. № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534997&dst=100001#4mOrZNVKbv21fsU> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[13] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ю.П. Седых-Бондаренко на нарушение его конституционных прав положениями статей 4, 6, 12 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2001 г. № 241-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=12#LeZNaNVQVI6mijl11> (дата обращения: 26.05.2026).

[14] Приговор Первомайского районного суда г. Кирова (Кировская область) № 1-191/2025 от 25 августа 2025 г. (по уголовному делу № 1-191/2025) // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/mdl8sOC2RWgZ/> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[15] Судебная статистика Российской Федерации // Официальный сайт «Агентства правовой информации». Режим доступа: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 26.05.2026).

[16] Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. – 175 с.

References:

[1] Agapov P.V. Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism: analysis of legislative innovation//Criminal law. 2007. № 1. S. 4-6.

[2] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 16, 2020 No. 225-APU19-5 [Electronic Resource]//SPS “Consultant-Plus.” Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=615284#wlo1aNVMI563MkKx> (accessed 26.05.2026).

[3] Kibalnik A.G., Solomenko I.G. Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism//Legality. 2007. № 2. S. 14-16.

[4] Knyazkina A.K. International Treaty as the basis for the criminalization of acts//Lex Russica. 2015. № 9. S. 73-86.

[5] D.A. Kovlagina. Actual problems of qualification and application of Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation//Gaps in Russian legislation. 2020. № 5. S. 153-159.

[6] Commentary on Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation//Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation/Rev. ed. A.I. Rarog. - M.: Prospekt Publishing House, 2022. - 992 s.

[7] Kudryavtsev V.L. The objective side of the crime under Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation “Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism”: some questions of theory and practice//Customs readings - 2012. Russia in a changing world: challenges and opportunities: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Volume II ./Under the general. ed. A.N. Myachina. - St. Petersburg: St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of RTA, 2012. S. 104-112.

[8] Kurnosova P.S. Problems of the subjective side of the crime under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation//Young scientist. 2022. № 44 (439). S. 151-152. Access mode: <https://moluch.ru/archive/439/95897> (access date: 26.05.2026).

[9] On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism” and the Federal Law “On Countering Terrorism”: Federal Law No. 153-FZ dated July 27, 2006 (as amended 21.12.2021) (with amendments and additions, entry. with the 01.01.2023) of [Electronic Resource]//ConsultantPlus ATP. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=421027&dst=100001#iOhNZNVG14rnh2a3> (accessed 26.05.2026).

[10] On Amendments to Articles 13.15 and 20.29 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2015 No. 116-FZ [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=178861&dst=100001#36IHANVqaNT2bCHI1> (access date: 26.05.2026).

[11] On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1 [Electronic Resource]//SPS “ConsultantPlus.” Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=206888&dst=100001#K5XjZNVK2QQVC5PO1> (accessed 26.05.2026).

[12] On countering terrorism: Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2026 (as amended by 25.05.2026) [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534997&dst=100001#-4mOrZNVKbv21fksU> (accessed 26.05.2026).

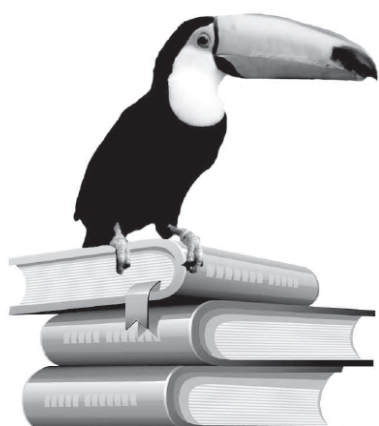
[13] On refusal to consider the complaint of citizen Yu.P. Sedykh-Bondarenko on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 4, 6, 12 and 14 of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation": Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 15, 2001 No. 241-O [Electronic resource]//SPS "ConsultantPlus." Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534997&dst=100001#-4mOrZNVKbv21fksU>

[ru/cons/cgi/online.cgi? req = doc&base = ARB&n = 12#LeZNaNVQVI6mljl11](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=12#LeZNaNVQVI6mljl11) (accessed on: 26.05.2026).

[14] Verdict of the Pervomaisky District Court of Kirov (Kirov Region) No. 1-191/2025 of August 25, 2025 (in criminal case No. 1-191/2025)/Internet resource "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation." Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/mdl8sOC2RWgZ/> (accessed 26.05.2026).

[15] Judicial statistics of the Russian Federation//Official website of the Legal Information Agency. Access mode: [https:// stat.ани-нрещ.рф/stats/ug/t/14/s/17](https://stat.ани-нрещ.рф/stats/ug/t/14/s/17) (access date: 26.05.2026).

[16] I.V. Shevchenko. Criminal liability for terrorist activities: monograph. M.: Yurlitinform, 2011. - 175 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.